

2015-5
8350 2

ПАТРИОТИЗМ и НАЦИОНАЛИЗМ

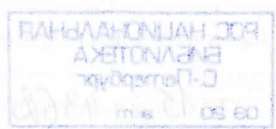
как факторы
российской истории
(конец XVIII в. — 1991 г.)

Коллективная монография

Ответственный редактор
В. В. Журавлев

РОССПЭН
Москва
2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Журавлев В. В.</i>).....	5
Глава I. Формирование основных типов национальной идеологии от М. В. Ломоносова до Н. Я. Данилевского (<i>Ильин Н. П.</i>).....	9
§ 1. От российского патриотизма к русскому национализму.....	9
§ 2. Призрак «декабризма» в русской национальной идеологии.....	24
§ 3. «Будьте истинно русскими!» Национальная революция «сверху».....	30
§ 4. У алтаря человечеству: славянофилы и западники.....	49
§ 5. «Право народности есть сильнее всех прав». Три богатыря русского почвенничества.....	78
§ 6. Россия плюс. Национализм и панславизм в учении Н. Я. Данилевского.....	98
§ 7. Типология национальных идеологий и самоидентификация русского национализма.....	108
Глава II. Народ, патриотизм и национализм в русском народничестве (<i>Зверев В. В.</i>).....	113
§ 1. Россия, Европа, народ и социализм в творчестве А. И. Герцена.....	118
§ 2. Н. Г. Чернышевский: преемственность и новизна идей.....	133
§ 3. Революционеры и народ.....	149
§ 4. Реформаторы.....	169
§ 5. Ревизия народнической доктрины.....	184
а) Традиции и новации П. П. Червинского.....	184
б) Нация, национализм и национальная ксенофобия в работах И. И. Каблицы.....	189
Глава III. Патриотическая идея в оценках российской революционной интеллигенции XIX в. (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	207
Глава IV. Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии (<i>Савельев П. Ю.</i>).....	226
Глава V. Большевизм и русский вопрос в начале XX в. (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	247
Глава VI. Лозунг «Россия для русских»: зарождение, трактовки, апология, критика (<i>Иванов А. А.</i>).....	259
Глава VII. Имперский и национальный принцип в конце XIX – начале XX в. (<i>Репников А. В.</i>).....	283
Глава VIII. Российские либералы: между правыми националистами и леворадикальными пораженцами (<i>Канищева Н. И., Шелохаев В. В.</i>).....	323

Глава IX. От идеи «мировой революции» к государственному патриотизму (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	355
§ 1. Идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918–1920).....	355
§ 2. Русский патриотизм в советской идеологии 1920-х гг.: «за» и «против».....	386
§ 3. Трансформация патриотической идеи в 1930-е гг.	452
Глава X. Идеи патриотизма и национализма в общественной мысли Русского Зарубежья (<i>Антоненко Н. В.</i>).....	561
Глава XI. Русский советский патриотизм в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1953) (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	615
Глава XII. Позднесоветский консерватизм и русский национальный патриотизм в 1960-х – середине 1980-х гг. (<i>Кожевников А. Ю.</i>).....	666
Глава XIII. Национальный вопрос и межнациональные противоречия в годы перестройки. Крах «советского патриотизма» (1985–1991) (<i>Доброхотов Л. Н.</i>).....	722
§ 1. Национальный вопрос как часть вопроса о власти.....	725
§ 2. От локальных вспышек до общегосударственной проблемы.....	746
§ 3. Парадокс российского сепаратизма.....	752
Заключение (<i>Журавлев В. В.</i>).....	765

П. Ю. Савельев

Глава IV. ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЗМА, НАЦИОНАЛИЗМА И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Идеологией международного социал-демократического движения рубежа XIX–XX вв. был марксизм. Его наиболее общим программным документом являлся «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Важнейшим принципом революционного рабочего движения он провозглашал пролетарский интернационализм, ибо кроме солидарности у рабочих нет иного оружия в борьбе за власть. Поэтому текст «Манифеста» подытоживался лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹. Революционный процесс виделся как мировая пролетарская революция. Принцип пролетарского интернационализма требовал учета национальных задач пролетариата, поскольку «пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией»². В ответ на обвинения в адрес коммунистов, будто они хотят отменить отечество и национальность, авторы «Манифеста» заявляли: «Рабочие не имеют отечества», потому что эти «отечества» созданы буржуазией, но, добиваясь политической власти, пролетариат «национален», стремится «конституироваться как нация»³. Вместе с тем «национальная обособленность и противоположность народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни», пролетарская революция приведет к их исчезновению⁴.

В основании Международного товарищества рабочих (1864–1876) реализовывались вышеуказанные принципы, Генеральный совет товарищества много внимания уделял поддержке интернацио-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 459.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 444.

⁴ Там же.

нальных связей. Основой организационной структуры Товарищества стала национальная секция по принципу государственной принадлежности, ибо «успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией»¹. В рамках товарищества в 1869–1872 гг. действовала Русская секция². Не относительно нее, в силу ее малочисленности (хотя для России это тоже было более чем актуально), сложной организационной проблемой в Товариществе стало создание секций в странах, разделенных языковыми барьерами, – Швейцарии, Бельгии, США. Маркс решительно выступал против «произвольных объединений по языку вместо действительных объединений по государствам и национальностям»³. Решение проблемы было найдено в создании в пределах таких государств федераций национальных секций во главе с национальным (федеральным) советом. К определению позиций Товарищества в вопросах межнациональных отношений, войны и мира Маркс и Энгельс всегда подходили с точки зрения борьбы пролетариата за свое социальное освобождение. Так, они считали, что победа польского национально-освободительного движения нанесет серьезный удар контрреволюционным правительствам России, Пруссии и Австрии, участвовавшим в разделе и угнетении Польши и тем самым будет способствовать успеху социальной революции в Европе. Сама идея создания международной организации рабочих возникла на митинге солидарности с героическими польскими повстанцами в июле 1863 г. С другой стороны, под влиянием Прудона среди его приверженцев в Товариществе имело место нигилистическое отношение к национальному вопросу вообще и к борьбе поляков за свое освобождение в частности. В серии статей «Какое дело рабочему классу до Польши?», опубликованной весной 1866 г., Энгельс обосновал непримиримое отношение пролетариата к политике национального угнетения. На примере Пруссии он показал, что участие в разделе Польши привело к усилению внутренней реакции в этой стране, развило в немецкой буржуазии дух воинствующего национализма и шовинизма. Поэтому рабочий класс Германии прямо заинтересован в восстановлении независимости Польши, должен руководствоваться «старым положением демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование»⁴. Требование

¹ Маркс К. Временный Устав Товарищества // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 14.

² См.: Козьмин Б. П. Русская секция первого Интернационала. М., 1957.

³ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 27 июля 1869 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 281.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 161.

освобождения Польши должно входить и в политическую программу российского рабочего класса¹. Маркс развил эту мысль в 1870 г., обращаясь к Русской секции Товарищества: «Работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата»². Аналогичные идеи Маркс высказывал об освободительной борьбе ирландцев.

На этапе становления европейских рабочих партий Маркс и Энгельс принимали участие в разработке их программных документов. Так, одним из замечаний Маркса на Готскую программу германской социал-демократии (1875) было указание на отсутствие в ее проекте указания на принцип интернациональности рабочего движения³. Замечание это было учтено, но все же в окончательном тексте программы было записано, что «рабочий класс действует для своего освобождения, прежде всего, в рамках современного национального государства, сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов»⁴. Сам Маркс во введении к программе Французской рабочей партии (1880) сформулировал принцип интернационализма так: «освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы»⁵.

В целом для международной социал-демократии было характерно пассивное ожидание разрешения национального вопроса в процессе социальных преобразований и революции.

Зарождение российской социал-демократии относится к началу 1880-х гг. Почти синхронно в 1881–1882 гг. марксистские группы начали складываться в Варшаве, Петербурге и в среде российской эмиграции. В программе зарубежной группы «Освобождение труда» (1884) Г. В. Плеханов декларировал признание группой «великих принципов бывшей “Международной ассоциации рабочих”», в том числе интернационального характера рабочего движения и предстоящей пролетарской революции, а поэтому необходимость «солидар-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 158.

² Там же. С. 427.

³ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 22–23.

⁴ Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / под ред. П. И. Острикова. М., 1985. С. 15.

⁵ Маркс К. Введение к программе Французской рабочей партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 246.

ности производителей»¹. Что же касается конкретных требований, то интересующему нас вопросу в программе был посвящен 6-й пункт, требовавший полной равноправности «всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения». К этому пункту Плеханов сделал примечание: «Этот пункт логически заключается в 4 §, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, например, евреи, не пользующиеся даже теми жалкими “правами”, которые предоставлены другим обывателям»². В неопубликованном тексте, написанном еще весной 1882 г., соратник Плеханова П. Б. Аксельрод специально анализировал «еврейский вопрос». Он указывал на слишком большую абстрактность, хотя и формальную справедливость утверждения, что «вопроса еврейского не существует, а есть только вопрос освобождения рабочих масс всех наций, в том числе и еврейской», и что он разрешится «с наступлением торжества социализма»³. Благодаря продолжавшимся еврейским погромам выяснилось, что, во-первых, «евреи, как нация, занимают в России совершенно исключительное положение и ненавидимы большинством самых разнообразных слоев христианского населения»; во-вторых, социалисты, исходя из верного принципа интернационализма, совершили ошибку, упустив из виду реальное положение вещей; в-третьих, в отличие от Германии в России социалистам нельзя «так игнорировать в своей деятельности специально еврейскую массу», потому что русское население еще очень далеко «от понятий о солидарности низших классов разных национальностей»⁴. В решении «еврейского вопроса» социалисты должны исходить из классового принципа. Их должна интересовать судьба лишь «низших классов еврейского населения, а не вопросы о “национальном возрождении еврейства” или о восстановлении еврейского государства». Речь должна идти о борьбе с евреями-капиталистами. Вплоть до того, что Аксельрод допускал возможность перенаправлять толпы погромщиков «на одни богатые еврейские квартиры и преимущественно на таких богачей, как Бродские, Поляковы, Гинзбурги и т. д.»⁵. С точки зрения Аксельрода, радикальное решение «еврейского вопроса» в России состоит, с одной стороны, в превращении еврейской массы

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 372.

² Там же. С. 374.

³ Аксельрод П. Б. О задачах еврейско-социалистической интеллигенции // Из архива П. Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 406.

⁴ Там же. С. 409.

⁵ Там же. С. 413, 415.

«из посреднического и непроизводительного элемента в класс представителей разнообразных отраслей физического труда», с другой – «в возможно большем слиянии этой массы с соответствующими слоями “коренного” населения»¹. Для решения первой задачи необходимо добиться для евреев права свободного переселения и жительства по всей России и «замены абсолютизма свободными политическими учреждениями». Слияние евреев с «христианским населением» станет возможным только, когда «реформы откроют некоторый простор для более быстрого политического и интеллектуального развития низших классов в России вообще»². Независимо и синхронно с группой «Освобождение труда» в Петербурге сложилась группа «Партия русских социал-демократов», лидером которой, между прочим, был болгарский студент Димитр Благоев. Группа разработала свою программу и переслала ее за рубеж. В ней формулировалось требование «уравнения прав подчиненных национальностей с преобладающей народностью»³. Плеханов подверг критике этот текст и разработал свой вариант, известный под названием «Второй проект программы русских социал-демократов». В нем в улучшенной редакции содержались вышеприведенные декларация принципа интернационализма и требование равенства всех граждан России⁴.

Знаменательно, что организационное оформление группы «Освобождение труда» шло в связи с формированием польской социал-демократической организации «Пролетариат». В 1880 и 1883 г. В. И. Засулич, имевшая польские корни, от имени русских революционеров выступала с приветствиями на международных митингах в Женеве, организованных польскими эмигрантами в годовщины польских восстаний. В эти же годы Л. Варыньский и Ш. Дикштейн тесно общались с Плехановым, Дейчем и Засулич, вместе углубленно изучали марксизм⁵. В дальнейшем члены группы «Освобождение труда» поддерживали тесные связи с Ц. Войнаровской, Станиславом и Марией Мендельсонами⁶. Программное воззвание «Пролетариата»

¹ Аксельрод П. Б. О задачах еврейско-социалистической интеллигенции. С. 413.

² Там же. С. 414.

³ Начало рабочего движения и распространение марксизма в России (1883–1894 гг.). Документы и материалы. М., 1960. С. 237.

⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. I. С. 377–378, 380.

⁵ Орехов А. М. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874–1893 гг.). М., 1979. С. 87–90, 105, 111.

⁶ Из архива группы «Освобождение труда». М., 2010. Вып. 1. С. 52–54, 168, 284, 294, 307, 315 и др.

призывало польских рабочих морально и идейно освободиться от враждебных их классовым интересам националистических традиций, а в качестве конкретных требований указывало на «полную свободу вероисповеданий и наций» и «международную солидарность как гарантию всеобщего мира»¹. В организационных принципах «Пролетариата» эта позиция выразилась в признании его составной частью общероссийского революционного движения и желании на основе федеративной связи войти в состав общероссийской социаль-но-революционной организации².

Однако, как и в международном социал-демократическом движении в целом, для революционеров России была характерна очень абстрактная постановка национального вопроса. Между тем империя была полинациональна, что не могло не проявиться в социалистической идеологии. В этом смысле представляется весьма знаменательным различия в отношении российской эмиграции к своему Отечеству. Если Плеханов и Засулич всем сердцем стремились вернуться на родину, готовы были ради этого рисковать жизнью (тяжело больной Плеханов совершил личный подвиг в 1917 г., вернувшись в Россию, Засулич на рубеже 1899–1900 гг. несколько месяцев нелегально провела в России, а вернувшись на родину в 1905 г., наотрез отказалась вновь эмигрировать в 1907 г.), то для Аксельрода Отечеством был Интернационал, и в отличие от своих товарищей он стремился получить швейцарское гражданство. Б. Н. Кричевский откровенно заявлял, что не желает возвращаться в Россию (что не помещало ему сохранить русский паспорт, по которому он въехал в Россию летом 1917 г.). И совсем уж цинично звучал вопрос Парвуса (А. Л. Гельфанд), адресованный В. Либкнехту: «Я ищущу Отечество; где можно получить Отечество за дешевые деньги?»³

Неудовлетворенность абстрактной постановкой национального вопроса привела к появлению в России организаций, одновременно заявлявших и о своей приверженности принципам международной социал-демократии, и о своем национализме. Такой националистический разворот произошел в польском социалистическом движении. Уже в рамках первого «Пролетариата» намечались расхождения по вопросу об отношении к национально-освободительным задачам. Полное их игнорирование существенно суживало социальную базу движения. Второй «Пролетариат» уже не ограничивал себя деятельностью только на территории русской Польши. Разгром «Народной

¹ Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. С. 292, 294.

² Орехов А. М. Становление польского социалистического движения. С. 153.

³ Парвус. Правда глаза колет! Стокгольм, 1918. С. 6.

воли» дал возможность полякам говорить о прекращении существования в России революционного движения и об авангардности польского движения. Что в законченном виде выразилось в программных установках Польской социалистической партии (1892) вплоть до приоритетности национальных задач, восстановления «Великой Польши», сепаратизма по отношению к русскому революционному движению¹. В то же время менее крупные польские организации «Союз польских рабочих», а затем Социал-демократия Королевства Польского (СДКП) сохраняли верность интернациональным принципам первого «Пролетариата». Группа «Освобождение труда», представлявшая тогда общероссийское течение в социалистическом движении, не смогла выработать принципиальной позиции к этим явлениям. С будущим руководством СДКП Плеханов поссорился по сугубо личным причинам и, очевидно, в пику Я. Тышке, Р. Люксембург и Ю. Мархлевскому продолжал поддерживать личные контакты с Мендельсоном, хотя, конечно, национализм последнего его и возмущал. Так же «непублично» осуждалась позиция армянской эмигрантской группы «Гнчак». В этой позиции было много от народнического представления об обязанности отдать «долг народу», выражавшейся примерно в таком рассуждении: «русский царизм веками угнетал народы, поэтому русские социалисты должны снисходительно смотреть на их неизбежно выработавшийся национализм, который может быть преодолен только солидарной борьбой с царизмом». В 1890-е гг. для группы «Освобождение труда» на поле взаимоотношений между народами гораздо более важной представлялась задача представительства России на международных социалистических конгрессах, в форме которых первоначально шел процесс создания нового Интернационала. Плеханов и Аксельрод участвуют уже в первом таком конгрессе в Париже в 1889 г., причем в своей речи на конгрессе Плеханов говорил о «гносной роли», которую играл русский абсолютизм в истории Западной Европы, о том, что русские цари – «коронованные жандармы» Европы, что поэтому сближение «революционной России» с «социалистической Европой» принесет большую пользу всемирному социалистическому движению, «торжество революционного движения в России было бы торжеством европейских рабочих»². В это же время Засулич выступила с брошюрой по истории Первого Интернационала³ – истинным панеги-

¹ Орехов А. М. Становление польского социалистического движения. С. 167, 197, 322.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 419, 420.

³ Засулич В. И. Очерк истории Международного общества рабочих. Женева, 1889. (Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983. С. 41–107).

риком международной солидарности рабочих, а Ф. Энгельс вскоре после конгресса разрешил опубликовать свою статью о внешней политике царизма в издававшемся Плехановым обозрении «Социал-демократ»¹, где детально развил тезис Плеханова о «гносной роли» русского абсолютизма.

На Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 г. Плеханов выступал на пленарном заседании от имени комиссии по военному вопросу. Он заявил, что «уже давно пора покончить с русским царизмом, позором всего цивилизованного мира, с постоянной опасностью для европейского мира и прогресса культуры»². Вместе с тем Плеханов, а вслед за ним и конгресс в целом, не поддержал предложение об антимилитаристской всеобщей стачке, поскольку вряд ли удастся во всех странах выступить вполне синхронно, а тогда какие-то государства получат военные преимущества. Равным образом, он был решительным противником организации «крестового похода против северного деспота», поскольку «кровь пролетариата слишком дорога»³. Выступления Плеханова на конгрессе вызвала бурю эмоций. Делегаты Голландии и часть французов обвинили его чуть ли не в шовинизме⁴. Но большинство поддержало Плеханова, дополнив знаменитую резолюцию Конгресса 1889 г. о праздновании Первого мая предложением включить в первомайские лозунги требования мира и борьбы с милитаризмом.

На Конгрессе в Лондоне в 1896 г. российские социал-демократы имели уже весьма многочисленную делегацию. Помимо Плеханова, Засулич и Аксельрода в нее входили также Р. М. Плеханова, Парвус, Б. А. Гинзбург, В. А. Бухгольц, а негласно – тайно прибывшие из России А. Н. Потресов и П. Б. Струве. Конгресс принял специальную резолюцию, приветствующую русских революционеров. С этого момента представители России получили в Интернационале вполне законную и постоянную «прописку»⁵. Когда в 1900 г. приступило, наконец, к работе в качестве исполнительной структуры Интернационала Международное социалистическое бюро, постоянное представительство в нем получили и российские социал-демократы – сначала Плеханов и Кричевский, а затем и В. И. Ленин.

¹ Энгельс Ф. Иностранная политика русского царства // Социал-демократ. Женева, 1890. Кн. 1–2 (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 11–52).

² Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Л., 1927. Т. IV. С. 331.

³ Там же. С. 162.

⁴ Гютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 135.

⁵ См.: Свалов А. Н. Секция России на Лондонском конгрессе II Интернационала (1896 г.) // Научные ведомости. 2010. № 1. Вып. 13. С. 163–169.

В самом же их Отечестве национальные взаимоотношения выглядели совсем не так радужно. Конечно, в крупных промышленных центрах социал-демократические организации строились по интернациональному принципу. Да и на ряде национальных окраин он тоже не нарушался. Так, в деятельности первой грузинской социал-демократической группы «Мессаме-даси» на первый план выдвигались просветительские задачи: приобщение трудящихся к богатствам русской культуры. Такая же постановка работы была характерна первоначально для социал-демократов в черте еврейской оседлости. Однако поиск способов расширения своего влияния на население «черты» подтолкнул их к переводу своей агитации на идиш. Это привело к быстрому росту организаций за счет неграмотных ремесленников и рабочих, успешному проведению относительно крупных стачек, в конечном счете к оформлению национальной организации Бунд. Все это получило теоретическое обоснование в первомайской речи Ю. О. Мартова в 1895 г. в Вильно. Говоря о насущных задачах рабочего движения, на первый план он выдвигает задачу интеллектуальной эмансипации из-под влияния буржуазии, в том числе идеологии патриотизма. При этом патриотизм понимался им антиисторично и с узко классово-позиции. Он знает только ««воинствующий патриотизм», который стремится весь мир разрушить и разгромить в интересах родины»¹. Однако и интернационализм им понимается, мягко говоря, своеобразно. Вся вторая часть его речи посвящена обоснованию необходимости для евреев национальной рабочей организации. Аргументы им выдвигаются следующие: движение станет более демократичным; более «материалистичным» (в смысле приспособления к потребностям массы); более самостоятельным по отношению к еврейской буржуазии; даст возможность нивелировать теперешнюю «слабость русского движения»; у русских и польских рабочих много своих собственных проблем и они легко жертвуют специальными еврейскими интересами². Предвосхищая обвинения в национализме, он заявляет, что социализм международен, а классовая борьба ведет к стиранию национальных границ и слиянию народов, но путь к этому лежит через завоевание каждой нацией полной равноправности. Пробуждение национального и классового самознания должно идти рука об руку и это не есть буржуазный национализм³. Вся последующая деятельность Мартова показывает, что сам он был чужд национализму и эта его речь – лишь эпизод его политической биографии. Она явилась следствием восторженного вос-

¹ Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010. С. 38.

² Там же. С. 40–46.

³ Там же. С. 46.

хищения юноши сиюминутными успехами. Сам Мартов сожалел о своих высказываниях, но для формирующегося Бунда они явились чуть ли не теоретическим обоснованием своей собственной необходимости и исключительности. Без разрешения автора бундовцы опубликовали речь Мартова, отбывавшего тогда ссылку в Сибири, в виде брошюры «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения», добились на I съезде РСДРП признания автономности своей организации к партии¹. Причем эта автономность толковалась ими очень широко, вплоть до самостоятельного представительства в Интернационале². И в первые годы XX века все тому же Мартову пришлось сломать немало копий в спорах с лидерами Бунда по вопросу, нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату. В частных письмах в ЦК и ЗК Бунда Мартов прямо определял эту позицию как национализм. В статьях в «Искре» он был более «дипломатичен», заявляя, что «весь российский пролетариат обречен на бессилие, если распадется на ряд «независимых» политических партий, организованных в пределах одного района или среди одной национальности». Такой распад законсервирует «атмосферу кустарнических точек зрения, местных интересов и микроскопических «задач»³. И дело касалось не только Бунда. Вслед за ним к федеративному принципу построения партийной организации склонялись и другие национальные организации – литовцы, латыши, армяне, украинцы, ППС–Пролетариат. Редакция «Искры» считала такой принцип недопустимым. При этом, как показано выше, он вовсе не противоречил международной практике. Вероятно, редакция опасалась, что при признании этого принципа в условиях полинациональной России никакого внутрипартийного единства достичь невозможно. Эти споры были подытожены резолюцией Второго съезда РСДРП о месте Бунда в партии (на съезде вопрос рассматривался одним из первых). В ней было сказано о «недопустимости» федеративных отношений, но признавалась известная автономность Бунда⁴. В итоге Бунд из РСДРП вышел.

В те же годы выработывалась программа РСДРП. Сразу заметим, что острый конфликт внутри редакции «Искры» по программным вопросам совершенно не коснулся интересующих нас сюжетов. В части требований по национальному вопросу она явилась в наибольшей степени результатом коллективного консенсуса. Наибольший

¹ Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы. М., 1898. С. 82.

² Бунд. Документы и материалы... С. 317.

³ Мартов Л. Единая русская социал-демократия и интересы еврейского пролетариата // Искра. № 36. 1903, 15 марта. С. 8, 9.

⁴ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 428.

вклад в разработку этой части внесли П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов, а затем и делегаты Второго съезда. В центре внимания Плеханова и Ленина была принципиальная часть программы (программа-maximum) и аграрный вопрос. В результате были сформулированы конкретные требования, отсутствующие не только в предшествующих программных документах российских социал-демократов, но и в эталонной тогда Эрфуртской программе СДПГ¹. В окончательном виде программа РСДРП 1903 г. традиционно для социал-демократов открывалась констатацией международного характера рабочего движения и пролетарской революции. Применительно же к ближайшим задачам российской партии не предопределялся федеративный характер будущей демократической республики, но выдвигалось требование «областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения». Программа требовала равноправия всех граждан «независимо от пола, религии, расы и национальности», равноправия всех языков, включая право граждан получать образование на родном языке, объясняться на родном языке в государственных и общественных учреждениях, и «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»². Последнее требование не было поддержано делегацией СДКПиЛ, и эта организация в состав РСДРП не вошла. Ее программа настаивала только на «государственной автономии для Польши»³. Равным образом, не был согласен с этой частью программы РСДРП и Бунд, отстаивая австро-марксистскую программу экстерриториальной национально-культурной автономии, под которой понималось «изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и пр.) и передача их нации в лице особых учреждений...»⁴.

Следующим шагом в разрешении проблемы соотношения патриотизма и интернационализма российскими социал-демократами стала разработка тактики РСДРП по отношению к Русско-японской войне 1904–1905 гг. Они исходили из того, что «действительным условием всеобщего мира» явится только уничтожение эксплуатации⁵ и что непрременной обязанностью социал-демократов является борьба против

милитаризма, а если началась война – за мир. Решение проблемы по отношению не к абстрактной, а к конкретной войне привело к оформлению нескольких позиций. Конечно, все фракции РСДРП осудили войну как не отвечающую национальным интересам России и несправедливую с обеих сторон. Осудили они и патриотические выступления российских либералов. Все они были «пораженцами» – в том смысле, что не желали побед русскому оружию. Но дальше начинались оттенки. Большевики не скрывали своего пораженчества, хотя и не призывали к саботажу, диверсиям и т. п. Меньшевики считали, что даже словесные декларации в пользу Японии способны подорвать доверие народа к РСДРП. «Мы достаточно патриоты, чтобы пальцем о палец не ударить, дабы помочь самодержавию победой над Японией укрепить свое, бесчестящее Россию владычество над нашей Родиной, – писал в «Искре» Мартов. – Но в то же время мы интернационалисты, а потому не наше дело помогать правящим классам Японии разгромить реакционную Россию»¹. «Искра» выдвигала лозунг «Мир и свобода!», увязывающий заключение мира свержением самодержавия. Л. Д. Троцкий и вслед за ним Мартов не считали эту войну «национальной», вызванной ростом капитализма, а «династической», вызванной стремлением бюрократической монархии к самосохранению. Такое понимание вызвало оформление позиции Плеханова, во многом солидаризовавшегося с большевиками. Он считал, что эта война – империалистическая. С международной точки зрения победа любой из сторон – зло. Но поражение России – зло меньшее. «Справившись с внутренним врагом – царизмом и став, наконец, свободным народом, мы уже сравнительно легко уладим свои дела со всеми внешними врагами», – подытоживал Плеханов². При всей внешней схожести позиция Плеханова существенно отличалась от большевистской. На это указывают его подготовительные наброски к цитированной статье. В не вошедшем в нее тексте, в частности, говорилось: «...Мы стоим на точке зрения международного социализма, но это несколько не мешает нам всем сердцем любить Россию. Нам глубоко жаль тех матросов и солдат, кровь которых льется на Дальнем Востоке, а осиротелые семьи мыкают горе на родине...»³ В этом ряду следует оценивать возмущение Плеханова попыткой финна Конни Зилиакуса вовлечь РСДРП в грязную авантюру финансирования японской разведкой, его встречи и беседы на курорте Беатенберг с командиром легендарного крейсера

¹ См. ее текст: Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США... С. 28–32.

² Второй съезд РСДРП. Протоколы... С. 418, 421.

³ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 15.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 557.

¹ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М., 1996. С. 68.

² Плеханов Г. В. Строгость необходима // Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 100.

³ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. II. С. 34.

«Варяг» Всеволодом Рудневым, вызывавшим в нем большую симпатию. Наконец, на исходе войны в статье «Патриотизм и социализм» он высказал ряд идей, легших в основу его позиции в ходе Первой мировой войны. Плеханов утверждал, что знаменитые слова Маркса «рабочие не имеют отечества» означают лишь неприятие «отечества», понимаемого в... смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи», но не означает равнодушия к национальной культуре, языку, традициям и обычаям, наконец, к родной земле как естественной среде обитания каждого народа. С точки зрения Плеханова, и при коммунизме будут сохраняться национальные различия, как естественные грани «великого коммунистического человечества завтрашнего дня», когда идея «Отечества» постепенно отступит перед несравненно более широкой идеей «Человечества». Поэтому интернационализм «вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны», т. е. с патриотизмом, что, конечно, не означает, что социалисты всегда и во всем должны поддерживать правительство своей страны, ибо интересы прогресса и революции – превыше всего¹.

Другой злободневной проблемой для российских социал-демократов в то время было восстановление партийного единства, в том числе объединение с национальными организациями. Она решалась IV (Объединительным) съездом РСДРП в 1906 г. Это нашло выражение в компромиссном уставе, принятом Объединительным съездом («IV съезд») РСДРП (апрель 1906 г.). Объединительный съезд положил начало федеративному построению по национальному признаку, которое не закреплялось формально уставом, но оформлялось особыми договорами – «Условиями объединения» с польской, латышской, армянской социал-демократическими партиями и Бундом². Условия были разными, выражая различную степень автономии национальных организаций. В самом крайнем случае речь шла о гарантированной квоте представительства в центральных учреждениях, о сохранении национального ЦК, включая и заграничный его отдел, и даже представительство в Интернационале. Естественно, с известными изменениями сохранялись и уставы этих организаций, тем более что свои уставы продолжали сохранять все местные организации партии. Такое решение вопроса подтверждалось и V съездом партии, последним форумом РСДРП³, где она была представлена как хотя и очень рыхлая, но все же относительно единая организация.

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 269–270.

² Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 529, 530, 532.

³ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 652–653.

Принципиальное изменение политической обстановки после 3 июня 1907 г. привело ее к уже необратимому межванию и дроблению, в том числе и по национальному признаку. Периодические попытки восстановить единство не увенчались успехом.

Обособление большевиков-ленинцев на Пражской конференции в январе 1912 г., казалось, инициировало процесс консолидации всех российских социал-демократов, противостоящих Ленину. Апогеем этого процесса стала Венская конференция (август 1912 г.), избравшая даже Организационный комитет РСДРП. Однако результатом созданного партийного блока стало не только углубление пропасти между ленинцами и социал-демократами, принципы и тактику которых Ленин все более открыто и определенно подвергал пересмотру, но и дифференциация самих субъектов августовского блока. Сторонники Плеханова, поучаствовав и в Пражской, и в Венской конференциях, консолидировались в самостоятельную группу «Единство», которая с мая 1914 г. выпускала в Петербурге одноименную газету. Не нашли своего места в блоке «впередовцы» и «богоискатели» с «богостроителями», не говоря о националах, с которыми вроде бы опять объединились в Вене. Но самое неприятное заключалось в том, что с блоком порвал Троцкий – один из самых активных инициаторов его создания. В ноябре 1913 г. он основал в Петербурге «Междурайонную организацию объединенных социал-демократов» («междрайонцы»). Известные расхождения сохранялись и между «лучистами», группировавшимися вокруг легальной газеты «Луч», где руководство осуществляли Мартов и Дан, и «заристами» (легальный журнал «Наша заря», Потресов). Наконец, еще одним центром притяжения и консолидации социал-демократов становится их фракция в IV Государственной думе во главе с Н. С. Чхеидзе (с октября 1913 г. ленинцы имели в Думе свою собственную фракцию). Что же касалось новых подходов к решению национального вопроса, то ленинцы в преддверии мировой войны сосредоточились на обосновании программного требования права наций на самоопределение вплоть до отделения при выяснении вопроса целесообразности такого отделения. Венская же конференция с подачи делегатов от Грузии и Бунда заявила, что не видит принципиального противоречия между требованиями культурно-национальной автономии и правом наций на самоопределение¹.

По инициативе Международного социалистического бюро (МСБ) летом 1914 г. в преддверии очередного конгресса Интернационала была предпринята попытка объединить российских социал-демократов. 16 июля 1914 г. в Брюсселе состоялось совещание 11 рос-

¹ Меньшевики. Документы и материалы. С. 338.

сийских социал-демократических групп в присутствии членов Исполнительного комитета МСБ. На совещание не был приглашен ряд еще более мелких групп, прежде всего, национальных, в том числе Украинская СДРП. За предложенную К. Каутским резолюцию о единстве проголосовали все, кроме ленинцев и латышей. По окончании этой встречи состоялось частное совещание представителей ОК, Кавказского областного комитета и групп «Борьба», «Вперед» и «Единство», на котором было достигнуто известное согласие на анти-ленинской платформе¹.

Это согласие было вдребезги разбито начавшейся Первой мировой войной. Антивоенная позиция Интернационала, закрепленная в решениях его Штутгартского, Базельского и Копенгагенского конгрессов, была в одночасье отброшена действиями двух крупнейших партий – Германской и Французской и Исполкомом МСБ в лице Э. Вандервельде. Российские социал-демократы были шокированы и растеряны. Поэтому первое их публичное выступление получилось противоречивым. Две социал-демократические фракции Государственной думы при голосовании за военные кредиты 26 июля выступили с совместной декларацией, в которой, с одной стороны, содержались абстрактные антивоенные заявления, с другой, ссылки на какие-то мифические антивоенные выступления в Германии и, наконец, выбивающаяся из общего контекста фраза о том, что «пролетариат будет защищать культурные блага народа от посягательств, откуда бы они не исходили»². Гораздо большее впечатление произвел на общественность отказ голосовать за предоставление кредита. Вскоре депутатами была получена телеграмма от Вандервельде с просьбой поддержать военную демократию. Акт, мягко говоря, некорректный. И они предоставили возможность ответить на нее Потресову от имени редакции журнала «Наша заря». В этом тексте отмечалось, что бельгийские социалисты осуществляют правое дело *самозащиты* демократии от агрессии прусского юнкерства. Однако русский пролетариат лишен возможности подобно англичанам, французам и бельгийцам, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства, которое не менее, чем германское, реакционно. Он лишь не противодействует войне³. Развивая эти тезисы, Потресов положил начало тому направлению в российской социал-демократии, которое получило название группы «самозащиты». Она считала, что СДПГ допу-

¹ См.: Ленин В. И. Сочинения. Изд. 3-е. Т. XVII. Примечания. С. 745–746; Меньшевики. Документы и материалы. С. 347–350.

² Меньшевики. Документы и материалы. С. 350–351.

³ Там же. С. 351–352.

стила «промах, который хуже любого преступления», признав идущую войну для Германии оборонительной. Напротив, Германия – единственная страна, препятствующая прочному миру, а единственный способ прекратить войну – решительная победа германской демократии над своим милитаристским режимом. Такое изменение позиции СДПГ будет означать торжество принципа интернационализма над национальным индивидуализмом⁴. Потресов констатировал развал прежнего Интернационала, который в своей политике исходил из нарастания классового антагонизма, проглядев параллельно идущий процесс консолидации гражданских обществ в пределах национальных государств, не увидел, что «понятие Отечество перестало быть мертвой схемой, казенной вывеской»⁵. Справедливые ранее формулы Маркса о том, что пролетариат не имеет отечества, и о том, что ему нечего терять, кроме своих цепей, теперь стали неверны. Пролетариату есть что терять и это – накопленный им в границах «отечества» «капитал труда и борьбы», общественно-политические приобретения и ценности⁶. Военный патриотизм разрушил не международность, а только ее довоенную форму. В этом – залог восстановления Интернационала. Но ему нужно будет считаться «с культурно-политическим единством, образующим национально-государственную индивидуальность каждой страны... как с подлинным накопленным историей богатством, которое надо беречь и которое... ляжет в основу высшей культуры грядущего»⁴. Будучи оптимистом относительно перспектив восстановления международной солидарности в Западной Европе, Потресов пессимистически оценивал в этом смысле ее Восток, в частности Россию, ибо «как прежде без капитализма мы шли в социализм, так теперь, пренебрежительно отшвыривая патриотизм как что-то отжившее, мы уже видим себя интернационалистами без страха и упрека»⁵. По сути интернациональная задача российских социал-демократов состоит в воспитании патриотического чувства русских рабочих к своему гражданскому обществу. «Дорваться России до патриотизма значит дорваться до Европы...»⁶, – подытоживает Потресов.

¹ Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. Т. 4: Демократия «страны нарушенного равновесия». М., 2014. С. 70, 71, 74.

² Там же. С. 282–284.

³ Там же. С. 285.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Первая мировая война в оценке современников. С. 295.

С близких позиций и тоже в легальной прессе высказывался из-за рубежа Плеханов. Он заявлял на проводах на фронт русских волонтеров в Париже: «Я – принципиальный противник войны. Но раз война началась... – я желаю поражения виновному, т. е. нападающей стороне. А нападающая сторона... Германия»¹. Он возмущался предательством лидеров СДПГ, которые отныне служат надежной опорой империалистической политики немецкого юнкерства и буржуазии, сочувствовал самозащите атакованных Германией стран. При этом он исходил из тех же оценок Франко-прусской войны 1870 г. Марксом, к которым апеллировали и лидеры СДПГ².

В отличие от своих критиков слева Плеханов высказался и о своем отношении к патриотизму. «Нелепо было бы требовать от социалистов... равнодушия к интересам своей родины, – писал он. – Социализм отнюдь не исключает любви к Отечеству. Но... социалист должен иметь мужество пойти против своего Отечества, когда оно в своей иностранной политике поступает несправедливо... Только тот социалист, который способен на это, и имеет право сказать о себе, что в его любви к Отечеству нет шовинизма»³. Возвращаясь не в первый раз к толкованию тезиса «Манифеста» о том, что «рабочие не имеют отечества», Плеханов видел его смысл в том, что рабочие «считают, что их страна не должна стремиться к обособлению себя от других стран... пролетариат требует не уничтожения нации, а прекращения эксплуатации одного народа другим»⁴. Нетрудно понять, что эти пассажи были адресованы германским социал-демократам. Что же касается России, то ее поражение «вредно для дела народной свободы и полезно для старого порядка», «грозит ухудшением условий существования всей русской “нации”, т. е. всей нашей трудящейся массе». Победа же усилит самостоятельность этой массы, подобно тому как победа в наполеоновских войнах дала в России толчок освободительному движению⁵. Относительно упреков в отказе от идеи пролетарской революции он заявлял, что «каждый народ имеет право на самоопределение..., он не может освободить себя от ига капитала, не признав право другого народа на самоопределение», это «необходимое предварительное психологическое и политическое условие социалистической революции»⁶. Шовинистический угар, охвативший население Германии, приведший к предательству интерна-

¹ Первая мировая война в оценке современников. С. 40.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 6, 280–281.

³ Первая мировая война в оценке современников. С. 82.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 86, 88, 89.

⁶ Там же. С. 160.

циональных принципов СДПГ, ставит под сомнение наличие этого условия. «Может быть, наша конечная цель дальше от нас, нежели мы думали... – заявлял он. – Но все-таки это ровно ничего не говорит против достижимости нашей конечной цели»¹. Блестяще парировал он и обвинения в сочувствии русским империалистическим захватам: «Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма... он заинтересован лишь в одном: чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов»². К середине 1915 г. он начал считать ошибочным и отказ от голосования за кредиты русских и сербских социалистов³.

Выступления Плеханова были восторженно встречены Засулич, входившей в группу «самозащиты»: «Я счастлива, что теперь между мною и Жоржем [Плехановым] нет никаких разногласий»⁴. Она резко полемизировала с «интернационалистами» в лице Аксельрода. «Интернационалистское» течение в российской социал-демократии представляло собой многочисленное и структурно сложное идейное направление. В него входили и откровенные «пораженцы»-ленинцы, и «внефракционные голосовцы», объединившиеся вокруг Мартова и Троцкого, редактировавших парижскую русскоязычную газету «Голос», переименованную затем в «Наше слово», и ряд групп, действовавших непосредственно в России. Аксельрод занимал позицию на «правом» фланге этого течения, во многом, но не во всем солидаризуясь с Мартовым и Троцким. Засулич в статье «После войны», опубликованной в легальном московском журнале «Дело», сосредоточилась на трех тезисах, отстаивавшихся Аксельродом. Он исходил из того, что деление человечества на национальности и государства отжило свой век; что патриотизм несовместим с целями и задачами международного пролетариата, и он должен вести борьбу против местного и национального патриотизма; что необходимо восстановление *прежнего* Интернационала, возможное лишь на ежедневной практической работе, связывающей демократии всех стран. С первым тезисом Засулич была не согласна потому, что хотя «государства представляют собой действительно нечто... “искусственное”», нации «есть на самом деле нечто “естественное”, не “вечное”, конечно, но долговечное и умышлениям людей не поддающееся»⁵. Второй тезис, с ее точки зрения, был совсем несостоятелен. Война поставила под во-

¹ Там же. С. 180.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 166; Меньшевики. Документы и материалы. С. 375.

⁴ Аксельрод Л. И. Этюды и воспоминания. М., 1925. С. 42.

⁵ Первая мировая война в оценке современников. С. 340, 341.

прос само существование некоторых национальных государств. «Все дорожное становится несравненно дороже, когда ему грозит опасность исчезновения, и всякий патриотизм, чуть тлеющий в спокойные времена, ярко вспыхивает тогда, когда объекту грозит опасность, – писала Засулич. – Можно опасаться поэтому, что рабочий... сохранит в глубине сердца такую же, как прежде, если не большую привязанность к своей осуждаемой на гибель национальности»¹. С третьим тезисом Аксельрода Засулич согласна. Войны станут невозможными при тесной связи демократий всех стран. Но на каком основании может возникнуть такая связь? Для этого недостаточно прекраснотных пожеланий и абстрактных призывов Аксельрода. Действительно гарантировать международную демократию от новых кризисов, от неизбежности новой войны может лишь совместная работа над решением действительно глобальной, общечеловеческой задачи. Таковыми не являются ни восстановление международных правовых норм и институтов, ни пропаганда интернационализма. Ибо «худшее наследие этой войны», с одной стороны, крушение всех моральных «предрассудков», с другой – «учение о безмерном превосходстве немецкого народа над остальным населением земного шара и о его призвании, победив другие народы, организовать их в одну мировую империю»², легко применимое по желанию того или иного народа и к себе. С точки зрения Засулич, действительно международная задача, под которой «могли бы “подписаться” самые широкие слои демократии» – это работа по осуществлению *всеобщего разоружения*³.

В «Голосе», где публиковались интервью Аксельрода, он тоже не был вполне своим. Редакция в своем комментарии к его публикациям осуждала его за резкую критику позиции Ленина, за недооценку опасности «социал-патриотизма» Потресова, Засулич и Плеханова, за надежды на примирение с «социал-патриотами» в рамках восстановленного II Интернационала, за критику стремления «голосовцев» образовать в противовес дезавуированному II Интернационалу международного объединения «интернационалистов»⁴. Тем не менее, Аксельрод вместе с «голосовцами» подписал Манифест Циммервальдской конференции (сентябрь 1915 г.), создавшей такое объединение и отстаивавшей лозунг «Ни побед, ни поражений!». Однако в отличие от остальных участников конференции он видел задачу этого объединения в том, чтобы инициировать восстановление II Интернационала. Поэтому более радикальные решения следу-

¹ Первая мировая война в оценке современников. С. 340.

² Там же. С. 343, 344.

³ Там же. С. 347.

⁴ Там же. С. 195–196.

ющей конференции в Кинтале (апрель 1916 г.), на которой образовалась фракционная «циммервальдская левая» Ленина, он решительно отвергал¹. Впрочем и основное ядро «голосовцев» расколется, первоначально из-за соперничества Троцкого и Мартова. Наконец, нужно сказать и о группе «сибирских циммервальдийцев». Ее образовали отбывавшие ссылку в Сибири И. Г. Церетели, В. С. Войтинский, Б. И. Николаевский, Ф. И. Дан, С. Л. Вайнштейн, Н. А. Рожков и др. В 1915 г. им удалось издать по одному номеру легальных и закрытых властями журналов «Сибирское обозрение» и «Сибирский журнал». Конечно, деятельность этой группы на общероссийском, а тем более на общемировом уровне была малозаметна. Однако само возникновение тандема Церетели-Дан было знаковым, перекидывающим мостик к событиям 1917 года. Церетели исходил из позиции II Интернационала о том, что причинами войны являются не религиозные или национальные различия, а экономическое соперничество имущих классов. Признавая, что Интернационал накануне войны совершил ряд ошибок, он отрицал факт его «крушения», признавая лишь временное отступление международного пролетарского движения, предвидя грядущее наступление, ибо война работает на него². Он отмечал господство в России, как и в других воюющих странах, шовинистического угара. Среди фракций Государственной думы только социал-демократы открыто выступили против войны и решились на акт, на который не решилась ни одна из демократических фракций воюющих стран – проголосовали против военных кредитов. Ни в какой другой стране рабочее движение не находится в таком противоречии со всем строем, нигде не приходилось ему преодолевать такие трудности в борьбе за право существования, как в России. Все демократические фракции, вся либеральная пресса ополчилась на социал-демократов. С той враждебной стороны оказался и Плеханов. Полемизируя с последним, Церетели, прежде всего, разбирает его тезис о том, что справедливость войны определяется тем, на чьей стороне «интересы прогресса» человечества. Он указывает, что точно так же аргументируют свою позицию германские шовинисты, приходя к прямо противоположным Плеханову выводам. С точки зрения Церетели, война в равной мере далеко отодвинула все страны с пути прогресса и культуры. Поэтому «задачей тех, кто дорожит интересами прогресса, является не подыскание оправданий воюющей стороне, а решительная борьба с вызванным войной всеобщим одичанием»³.

¹ Там же. С. 335–338.

² Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное. Ч. 2. М., 2010. С. 44, 50, 51.

³ Первая мировая война в оценке современников... С. 144.

Все страны желали войны – «одни раньше, другие позже, и равнодействующая общих желаний привела к событиям 1914 г.»¹. Поэтому правы социал-демократические депутаты Думы, а не Плеханов, рассуждающий о зачинщике войны.

Таким образом, война еще более усилила дифференциацию в российском социал-демократическом лагере. Одной из причин этого была постановка войной в очень острой и конкретной форме проблем соотношения патриотизма и интернационализма, национальных и государственных интересов, войны и борьбы за мир. Абстрактные формулы из идейного арсенала социал-демократов «рабочие не имеют отечества» и «пролетарии всех стран, соединяйтесь» нужно было применять к решению совершенно конкретных вопросов, поставленных войной, и определять свое личное место в ней. Чем дальше шла война, тем картинка в калейдоскопе мнений становилась все сложнее. Казалось, что консолидация социал-демократов уже никогда не будет возможна. Для возрождения этой тенденции потребовалось эпохальное изменение политической ситуации в России и всей международной расстановки сил.

¹ Первая мировая война в оценке современников. С. 147.